

Дж. Г. Байрон

Бронзовый век

Бронзовый век. Новый
(полный) перевод Ю.
Балтрушайтиса, с пред.
проф. Н. И. Кареева

Байрон. Библиотека великих
писателей под ред. С. А.
Венгерова. Т. 3, 1905.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК.

В 1820 г. в южно-романских государствах на Пиренейском и Апеннинском полуостровах с островом Сицилией произошло революционное движение. Пример был подан Испанией, и этому примеру последовали королевства Обеих Сицилий (т. е. Неаполь и Сицилия) и Португалия, а в следующем 1821 г. чуть было не присоединился Пьемонт, бывший главной частью королевства Сардинского. Эти революции испугали государей Священного союза, которые в 1820--1822 гг. собирались на конгрессы в Троппау, в Лайбахе и в Вероне. На втором из этих съездов монархов и министров Австрии от имени всей Европы было поручено усмирить неаполитанскую революцию, что Австрия безпрепятственно и совершила, задев, так сказать, мимоходом и революцию в Пьемонте, а третий из названных конгрессов - веронский - уполномочил Францию сделать то же самое и в Испании, где революция между тем успела перейти в настоящую гражданскую войну. В 1823 г. французские войска под белым знаменем Бурбонов произвели в Испании реставрацию абсолютизма во исполнение решения веронского конгресса.

Из биографии Байрона известно, как в эти годы он относился к революционному движению вообще и в частности к замыслам и предприятиям итальянских патриотов. Известно также и то, как он относился к священному союзу и его реакционной политике. Общее его политическое настроение начала двадцатых годов и отразилось на его "Бронзовом веке", написанном по поводу веронского конгресса.

Первая мысль о насильственном подавлении вспыхнувшей в январе 1820 г. испанской революции была высказана еще в марте того же 1820 г., за два с половиной года до созыва веронского конгресса. Тогда инициатива принадлежала Александру I, но из четырех других великих держав ни Англия, ни Австрия, ни Пруссия не дали своего согласия на эту меру, опасаясь, что подавление испанской революции только усилит франко-русское влияние на Пиренейском полуострове. Особенно возстал против предложения русского императора Меттерних, но когда в июле революция вспыхнула и в Неаполе, и у австрийского министра явилось опасение, что движение, распространившись на всю Италию, сделается опасным для австрийского господства в Ломбардо-Венецианском королевстве, сам же он стал хлопотать, о том, чтобы от имени всей Европы дано было Австрии поручение подавить неаполитанскую революцию. На конгрессе в Троппау ему удалось даже достигнуть особого соглашения между тремя главными участницами Священного Союза, т. е. Австрией, Пруссией и Россией, в силу которого они признавали за собою право вмешательства в дела любого соседнего государства во всех случаях, когда этого потребовали бы безопасность и внутренний порядок того или другого из них. Первым применением этого принципа и должна была быть австрийская экспедиция во владения короля Обеих Сицилий. Английский министр Кэстльри, во всем следовавший обыкновенно реакционной политике Меттерниха, с своей стороны ничего не имел против этой экспедиции, но решительно высказывался против возведения идеи вмешательства на степень общего принципа международной политики европейских государств: сочувствуя австрийским видам относительно Италии, он продолжал отрицательно относиться к предложению Александра I, касавшемуся Испании. Вот почему он протестовал против общего постановления, принятого на конгрессе в Троппау тремя державами. К его протесту присоединилась и Франция. Этот протест был, однако, чисто платоническим, и в следующем году конгресс в Лайбахе окончательно уполномочил Австрию произвести экзекуцию в Неаполитанском королевстве.

Очередь не должна была миновать и Испании. Монархи, совершившие возстановление абсолютизма в Италии, решили собраться и в следующем году на новый конгресс для принятия мер и против испанской революции, так как пришли к тому заключению, что не будет спокойствия в Европе, пока в Мадриде будет действовать революционная конституция. Особенно в этой мысли их укрепили внутренние раздоры, приведшие Испанию к состоянию полной анархии. В июле 1822

г. Фердинанд VII с помощью гвардии задумал было низвергнуть конституцию, но другая войска вооружилась на ее защиту, и перед королевским дворцом было перебито множество гвардейцев, после чего лицемерный монарх разыграл комедию благодарности войскам, спасшим конституцию. Он перешел даже на сторону наиболее крайних политических деятелей, так называемых "экзальтадов", но только для виду, на самом же деле тайно стал склонять европейские державы к тому, чтобы они вмешались и в испанские дела подобно тому, как это уже было сделано по отношению к Италии.

Александр I, как сказано, давно этого хотелось, и теперь он особенно хлопотал о том, чтобы склонить на свою сторону ближайшую соседку Испании - Францию. В виду осложнений на Балканском полуострове русский государь мечтал о новых приобретениях и предлагал французскому правительству принять участие в возможном дележе турецкой добычи, но ни Ришелье, ни сменивший его в министерстве Виллель не решались запутывать свою политику на востоке, когда по соседству, за Пиренеями, разыгрывалась испанская трагедия борьбы крайних правых с крайними левыми. В самой Франции в это время не было недостатка в политических заговорах, имевших целью низвержение Бурбонов путем военной революции, и ультрароялисты, стоявшие у власти, только о том и думали, как бы помешать революции перешагнуть через Пиренеи. Нужно было подавить "мятеж" в Испании, потому что им питались заговоры во Франции, мешавшие ей между прочим и в ее внешней политике: куда было затевать что-нибудь на востоке, когда стране грозила опасность революции? Чтобы иметь Францию на своей стороне при осуществлении своих восточных планов, Александру I было необходимо освободить Францию от этой опасности, а средство было известно, было уже испробовано, -- конгресс и по его решению военная экзекуция.

Конгресс собрался в Вероне в середине октября 1822 г. Кроме монархов Австрии, Пруссии и России на нем присутствовали короли Сардинии и Обеих Сицилий, тосканский великий герцог, пармская герцогиня и моденский герцог, не считая дипломатов разных государств и между ними представителей папы, Франции и Англии. Наиболее видными деятелями дипломатии на конгрессе были Меттерних (Австрия), Монморанси и Шатобриан (Франция), Веллингтон (Великобритания), Гарденберг (Пруссия), Нессельроде и Поццо-ди-Борго (Россия), с самого же начала русский император решительнейшим образом заявил, что он скорее готов дожить в Вероне до седых волос, чем вернуться домой, не сделав ничего для успокоения Испании. Эта постановка вопроса, в конце концов грозившая Франции превращением в исполнителя велений Священного Союза, пришлась не по вкусу французскому первому министру Виллелю, который боялся и ссоры с Англией, и обременительности экспедиции для финансов, и брожения в армии, мобилизация которой, по его мнению, могла бы кончиться военной революцией. В этом отношении он расходился во взглядах с господствующей партией, среди которой было не мало лиц, особенным образом заинтересованных в испанских делах: это были именно кредиторы антиреволюционного регентства, неуспех которого был бы равносителен и потере денег французскими его благожелателями. Сам министр иностранных дел, Монморанси, долженствовавший представлять Францию в Вероне, был на стороне русского государя, и вот, чтобы удержать Монморанси от опасного шага, Виллель дал ему в помощники Шатобриана, который, как известно, был не только писателем, но и государственным человеком; в данный момент он был французским посланником в Лондоне. Виллель тем более нужно было считаться с желаниями Англии, что главный сторонник Священного Союза в правительстве этой страны, Кэстльри, только что прекратил свои дни, зарезавшись перочинным ножиком, а его преемник Каннинг относился крайне недоброжелательно и к Александру I, и в особенности к Меттерниху. Он и послал в Верону Веллингтона, дав ему инструкцию никоим образом не впутывать Англию в задуманное предприятие. Виллель предполагал, что и французский посланник в Лондоне будет держаться той же линии.

Монморанси, которому Виллель рекомендовал не делать никаких шагов в испанском деле, а только выжидать, что предложат другие, поступил как-раз наоборот, а Шатобриан, вместо того чтобы противодействовать его политике, шедшей в разрез с видами главы правительства, поддался уговариваниям русской дипломатии, открывавшей перед ним широкие политические горизонты в случае солидарного действия Франции с Россией и с имеющею быть успокоенной Испанией; к этому присоединялись и виды на личное возвышение Шатобриана при осуществлении франко-русско-испанского союза. Во все время переговоров Александр I проявлял особую настойчивость: он предлагал в помощь Франции дать свои войска, а с другой стороны, в уклончивости парижского двора усматривал (и говорил об этом) чуть не преступное сообщничество с испанской революцией. Как бы то ни было, Монморанси и Шатобриан дали себя убедить и застрашать, и от четырех великих держав, т. е. всех, кроме Англии, в Мадрид были посланы ноты, требовавшие, чтобы конституция 1812 г. была отменена и был восстановлен суверенитет власти, а в случае отказа посольства четырех держав должны были покинуть испанскую столицу. Мало того, четыре державы заключили между собою особый договор, не только дававший Франции право, но даже вменивший ей в обязанность - при известных обстоятельствах - вести войну в Испании, причем

при определенных условиях она могла и с своей стороны требовать помощи от своих союзников. Англия не захотела присоединиться к этому соглашению, но не обнаружила и намерения чем-либо помочь Испании; вся ее политика состояла в том, чтобы, пользуясь европейскими осложнениями и в частности испанскими затруднениями, обделывать свои дела в Америке, где признание отложившихся от Испании колоний самостоятельными республиками сулило Англии большие политические и коммерческие выгоды. Как ни старался Виллель предотвратить войну, Франции пришлось подчиниться решению Священного Союза, и особенно большие старания убедить Виллеля в необходимости идти заодно с Россией, Австрией и Пруссией были сделаны Шатобрианом. Остальное известно: в Мадриде на ноты четырех держав ответили гордым отказом, вслед за чем посланники оставили Мадрид. Это было в январе 1823 г. уже после закрытия конгресса, совершившагося в середине декабря.

Совещания веронского конгресса длились два месяца. Кроме испанского вопроса, его участники занимались и другими делами. Англия подняла-было на нем вопрос о запрещении торговли неграми, но недовольные поведением этой державы мэнархи ограничились простой декларацией неодобрения торговле невольниками. Грекам решено было не оказывать никакой помощи, даже чисто моральной, и греческим делегатам было отказано в приеме. Папа, желая угодить Священному Союзу, заставил этих делегатов уехать из Анконы, где они ожидали ответа из Вероны на свою просьбу. Занимался конгресс и итальянскими делами, но в том же духе покровительства всему реакционному. Всем своим решениям конгресс сам подвел общие итоги в особом циркуляре трех северных держав, в котором осуждалось греческое возмание, как преступная революция, а Испания выставлялась, как "прискорбный пример неизбежных последствий всякого покушения на незыблемость вечных законов нравственности", и вместе с тем заявлялось, что союзные правительства не успокоятся до тех пор, пока не сократят "лживые и мрачные банды", нарушавшие порядок и в Европе, и в Америке. Угроза слышалась в этом документе не только по адресу народов, но и по адресу государей, которые не стали бы уважать "духа трактатов, составляющих основу европейской политической системы". Здесь главным образом имелись в виду немецкие государи, и угроза шла от Австрии, желавшей установления полного порядка в Германском союзе. Общественное мнение, особенно в Англии и во Франции, было крайне возмущено общим направлением веронского конгресса и последовавшей за ним французской экспедицией в Испанию. "Бронзовый век" Байрона является одним из отголосков этого возмущения и по резкости негодования может быть поставлен рядом с лучшими политическими местами "Чайльд-Гарольда", "Дон-Жуана", "Оды с французского", "Оды к Венеции" и т. п.

Н. Кареев.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК
или
CARMEN SECULARE ET ANNUS HAUD MIRABILIS

Impar Congressus Achilli.

I.

За "добрым старым временем" вослед -
Вся былъ - добро - дела текущих лет
Пошли; в них все зависит лишь от нас;
Великое свершалось уж не раз,
И большого возможно в мире ждать,
Лишь стоит людям тверже пожелать:
Велик простор, безмерна даль полей
Для тех, кто полон замыслов, затей.

Не знаю, плачут ангелы, иль нет,
Но человеку - так устроен свет -
Не мало слез пришлось уже пролить.
Зачем? - Чтоб снова плакать и тужить.

II.

Добро иль зло - все гибнет без следа.
Читатель! вспомни молодость, когда
Наш Питт был все, иль очень много, - так
Судил о нем его соперник, враг.
Мы созерцали род богатырей,
Титанов духа, в распре долгих дней,
Атос и Иду, с морем звонких слов
Неистово гремевшим меж борцов,
Как в бурный час шумит Эгейский вал
Меж греческих и меж фригийских скал.
Но где ж борцы?.. В безмолвии могил
Лишь слой земли их кости разделил.
Как смерть всегда спокойна и властна,
Смирная все!.. Безбурная волна
В просторе мира. Смысл старинных слов
"Из праха - в прах" всегда и всюду нов:
В них вечный ужас смерти; перед ним
Безсильно время; червь неутомим,
И гроб хранит свой облик в тишине -
Различный сверху, тот же в глубине.
Сверкает урна, прах остыл навек,
Пусть пепел Клеопатры пересек
Морской простор, по чьим волнам она
Антония от царства увлекла;

Пусть урна Александра, скорбный прах,
Стоит теперь на чуждых берегах,
Что он, рыдая, жаждал покорить, -
Как был безцелен, если разсудить,
Весь этот плач, как горестно пуста
Была безумца алчная мечта!
В слезах, миров алкал он, - полземли
Не знает, кто он, или только дни
Рожденья--смерти, скорбь и торжество
Опустошенья; в мире от него
Все, все осталось Греции родной,
Что есть в пустыне, только не покой.
Стяжать миры он горестно алкал -
Земли, и той не зная, как не знал,
Где этот остров северный лежит,
Что, чуждый царству, прах его хранит.

III.

Но где сильнейший, витязь наших дней,
Что, сам не царь, обуздывал царей
Тот, чье ярмо низвергнув, короли,
Что нового Сезостриса влекли,
Хотят парить, поправ тот прах, где им
Пришлось плестись с владыкою своим?
Где он, дитя, - оплот всему, что - бред,
Что - высь и низь, в чем вещей мысли свет?
В чьих играх в царства ставкой был престол;
Чьи кости - люди, мир - игральный стол?
Заплачь, взглянув на скорбный островок
Иль улыбнись, - в нем сведен весь итог!

Вздыхни при виде вольного орла,
Кого недоля к клетке привела;
Взгляни с улыбкой, как гроза племен
На вечный спор о пйще осужден;
Заплачь над тем, как прежний властелин
Скорбит, что мало кушаний и вин;
Взвесь мелкий спор о жалких мелочах,
В котором он томился и зачах.
Да он ли - тот, кто правящих казнил,
Кто с ними часто кубок свой делил?
А кто ему выносит приговор?..
Отчет хирурга, графа звонкий вздор!
Лишить ли книги, в бюсте ль отказать
Достаточно, чтоб начал он страдать,
Чтоб тот ни сна, ни отдыха не знал,
Пред кем весь мир безсонный трепетал!
Ужель то он, кто смять великих мог,
А ныне - раб, с кем каждый нагл и строг,--
И подлый страж, и сыщик, и чужой,
Что смеет рыться в книжке записной?
В глухой тюрьме он мог бы быть велик;
Как меж тюрьмой и замком он поник,
На той меже, где редкий понимал,
Какую муку в сердце он скрывал!
Он ропщет тщетно: смысл закона строг,
Он получал положенный паек...
Он болен - вздор! Изъезди целый свет,
Другой страны целительнее нет;
И врач, что верил жалобам его,

Лишился скоро места своего
Но пусть он знал всю боль душевных мук,
Презренье, наглость, длительный недуг;
Пусть-сверх друзей - к ногам его приник
В последний час лишь мнимый светлый лик,
Ему явивший милые черты
Дитяти-сына, скоро сироты -
И пусть померк его нездешний ум,
Пленивший мир величьем вещей дум,--
Ликуй--орел расторг свой душный плен
И лучший мир обрел себе взамен.

IV.

Но если в горних помнит дух его
Померкший отблеск царства своего,
С какой улыбкой должен он взирать
На малость, чем он стал, иль думал стать!
Пусть больший мир повергло имя ниц,
Чем честолюбье, часто без границ;
Пусть, первый в славе, раб в упадке сил,
Весь блеск и горечь власти он вкусил;
И пусть тиранны чуждые ярму,
Теперь хотят быть равными ему;
Тот дальний гроб ему теперь милей,
Живой маяк в безлюдии морей!
И пусть тюремщик, строгий до конца,
Боясь поверить тяжести свинца,
На гробе надпись жалкую отверг,
Пять слов о том, чей властный взор померк;
Все ж это имя остров освятит,

Как талисман, чью святость мир почитит;
И, проходя со всех концов земли,
С высокой мачты, в море, корабли
Пошлют ему ликующий привет;
Колонна галльской славы и побед,
Как обелиск Помпея, над землей
Едва-едва вздымает остов свой,--
А тот пустынный дальний островок,
Где скорбный саван витязя облек,
Как бюст героя, гребнем грозных скал
Атлантику навеки увенчал.
И вот ему, в пустыне дальних воды
Могучая природа воздаст
Стократ - все то, чего в час смерти он
Был завистью расчетливой лишен.
Но что ему? Смутит ли торжество
Свободный дух иль пленный прах его?
О темном гробе мало он тужит -
Не все-ль равно, он жив или-же спит:
Прозревшей тени слишком все равно,
В пещере ль темной тлеть ему дано,
Иль прах его вкушает вечный сон
В стране, где римский галльский Пантеон.
Он чужд всему; родная же страна
Той малостью утешиться должна:
Достоинства и чести ради, ей
Нельзя не ждать назад его костей,
Чтоб их над грудой тронов вознести;
Иль превратить, в воинственном пути

К стяжанию все новых царств и стран,
Как кости Дюгеклена, в талисман.
Пусть даже так - настанет некий час,
И это имя, грозное не раз,
Набатный звон над миром устремит
И барабаном Жижки загремит.

V.

О, мощь небес! Он был твой лик живой.
И ты, земля! Он--лучший отпрыск твой.
И, остров, ты! Тебе за то хвала,
Что ты взлелеял юного орла.
Вы, Альпы, где он встретил свой разсвет,
Взвиваясь гордо в блеске ста побед!
Ты, Рим, чей Цезарь в славе умален!
Зачем и он шагнул за Рубикон,
За Рубикон людских возставших прав,
В ряды льстецов, монархов пошлых став?
Египет! в чьих заброшенных гробах
Угрюмо дрогнул фараонов прах,
Средь пирамид, в глухой тиши своей,
Заслышав гром Камбиза наших дней;
В то время как у Нильских берегов
Стояло сорок призраков - веков,
Испуганных гигантов темный строй,
Что с пирамид, с их выси вековой,
Взирал, дрожа, как в бешенстве вражды
Неслись в пустыне шумные орды,
Где кровь поила выжженный песок,
Чтоб снова он стать тучной нивой мог!

Испания! Чей Сид забыт на миг
И чей Мадрид, увы, пред ним поник!
Ты, Австрия! Чей вероломный трон
Был дважды взят и дважды пощажен,
Чтоб ты, добыча славного орла,
Потом его в паденьи предала!
Род Фридриха - чье с Фридрихом родство
Лишь в имени да лживости его,
Отнюдь не в славе - ты, что был им смят
Под Иеною и--трепетом объят -
В Берлине рабски ползал перед ним,
Чтоб, пав, возстать, когда он был гоним!
И вы, чье племя скорбное живет
В стране Косцюшко, помня старый счет,
Долг вашей крови, щедро пролитой
Екатериной! Польша! Над тобой,
Как ангел мщенья грозно он витал,
Чтоб вновь оставить тою ж, как застал:
С пустынею заброшенных полей,
Забыв упорство жалобы твоей,
Расторгнутый на части твой народ,
Чье даже имя больше не живет,--
Твой вздох о воле, слезы, весь твой крик,
Что грозно к слуху деспота приник -
Косцюшко!.. Бранной жаждою горя,
Он ищет крови подданных царя.
Соборы полуварварской Москвы
Светло горят на солнце, но, увы,
На них уже вечерний луч зардел!

Москва, его величия предел!
Суровый Карл, как горько ни рыдал,
Тебя не видел, *он* же увидал -
Но как? - в огне, куда бросал солдат
Фитиль, бедняк валил солому с хат,
Торговец же - запасы многих лет,
Князь - свой дворец - и вот, Москвы уж нет!
Какой вулкан! Что Этна пред тобой?
Что грозный Геклы отблеск вековой?
Везувий пошло блещет всякий раз,
Как зрелище для сотен праздных глаз:
Ты заревом откинулась в века,
Не ведая соперницы, пока
Иной огонь весь мир не озарит,
Что все державы в пепел превратит!
Ты, грозная стихия! Чей урок,
Безжалостный, воителям не в прок!..
Морозным взмахом злобного крыла
Толпы врагов дрожащих ты гнала,
Пока не падал, сломленный тобой,
Под каждую снежинкою - герой!
Как грозен клюв, обхват твоих когтей,
Что цепенели полчища людей!
И тщетно Сена с тихих берегов
Зовет ряды родимых смельчаков!
И тщетно в виноградниках своих
Готовит кубок Франция для них:
Им из него отведать не дано,--
Их кровь течет сильнее, чем вино;

Иль стынет там, где их угрюмый стан
Раскинулся во льдах полярных стран!
Светло лучам Италии гореть,
Но им сынов холодных не согреть!"--
От всей добычи, собранной войной,
Что уцелело? Алчущий герой
Спешит в свой дом - о, горестный трофей!--
С разбитой колесницею своей!
Да с сердцем не разбитым!.. Грянул вновь
Роландов рог - и снова льется кровь!
При Люцене где сломлен славный швед,
Он победил, но лишь не умер, нет!
Под Дрезденом еще бегут пред ним
Три деспота - пред деспотом своим;
Но, долгий спутник, счастье от него,
С изменою при Лейпциге, ушло.
От льва Саксонский вкрадчивый шакал
К лисе, к медведю, к волку убежал!
И вот теперь могучий царь лесов
Спешит в свое убежище, под кров
Отчаянья и горя своего,
Но в мире нет приюта для него.
Вы все! и каждый! Франция! Взирай,
Как вражьем плугом вспахан весь твой край,
Где, что ни шаг, он вел упорный бой
И был сражен изменой лишь одной,
Глядевшею с Монмартрской высоты
На твой Париж поруганный! И ты,
Убогий остров, с чьих твердынь видна

Этрурия, блаженная страна,--
Ты был приютом гордости его,
Где только ждал он часа своего,
Чтоб свидеться на срок немногих дней
С тоскующей невестою своей!
О, Франция! Опять его приход
Восторженно встречает твой народ!
Кровавое, безцельно, Ватерло,
Где только то сказаться и могло,
Что и глупцу счастливится порой,
Изменой ли, ошибкой ли чужой.
И ты, Святой Елены мрачный край,
С безжалостным тюремщиком, внимай,
Как Прометей, прикованный к скале,
Взывает к морю, к воздуху, к земле,
И ко всему, что, в славе, полный сил
Он пред собой склоняет иль склонил,
Чему в веках, в безгранной смене лет,
То имя в мире будет, как завет;
Его судьба им всем преподала
Пустой урок--урок не делать зла!
Лишь шаг к добру, единый шаг, и он
Пленил бы мир, как славный Вашингтон;
Но шаг ко злу, и властный чародей
Позорно стал посмешищем людей,
Игрушка счастья, в царстве сам - игрок,
Молох молвы иль властный полубог;
Отчизне - Цезарь, миру - Ганнибал,
Без гордости, с которою он пал.

Сам дух тщеславья мог бы указать,
Откуда славы должен был он ждать,
В писаниях, бесплодных и смешных,
На тысячи стяжателей земных,
Возжаждавших бессмертного венца,
Лишь одного отметив мудреца.
Тогда как Франклин, молнию смирив,
В людских сердцах навеки будет жив,
Или снискав стране своей родной,
Что им горда, свободу и покой!
Клич "Вашингтон" светло звучит навек,
Пока есть эхо, дышит человек!
И сам испанец алчный позабыл,
Чтя Боливара, кто Пизарро был!
Атлантика! Зачем твоя волна,
Свободная, теперь хранить должна
Прах деспота, его последний кров -
Царя царей, невольника рабов,
Что гнет оков сегодня расторгал,
А завтра людям новые ковал,
Поправ закон Европы, как и свой,
Чтобы витать меж троном и тюрьмой?

VI.

Но нет!.. Смотрите - искра вспыхнет вновь!
Еще кипит в испанском сердце кровь;
Тот гордый дух, что маврам дал отпор
В несчетных битвах, пленный с давних пор,
Возстал--и где? - Среди мстительных людей,
Где был испанец тем же, что злодей,--

Край Кортеса, Пизарровых побед"
Тот юный мир по праву - *Новый Свет!*
Униженных опять исполнил сил
Тот *старый* дух, что персов отразил
От берегов, где Греция *была...*
Нет! Греция вторично ожила!
Одним горят народы в час борьбы,
Рабы Востока, Запада рабы;
На Атосе, на Андах вскинут в высь
Все тот же стяг: два мира в нем слились;
Афинянин, что в душном рабстве рос,
Опять свой меч Гармодия занес;
Чилийский вождь отверг и поборол
Иноплеменной власти произвол;
Спартанец снова вспомнил, что он - грек,
И в Мексике свободен человек.
Уж деспоты, слабея там и тут,
Перед волной Атлантики бегут.
Уж к Гибралтару хлынул гневный вал,
У Франции, притихшей, вновь взыграл
И, грянув вдоль Испании, готов
Авзоню исторгнуть из оков;
Но чуждый здесь - до срока! - вал живой
Гремит в Эгейском море, помня бой
При Саламине... Здесь встают валы,
Безсилен деспот - рвутся кандалы.--
Совсем одни, в безвыходной нужде
Забытые, в гнетущей их беде
Не смея ждать опоры христиан,

Кому завет их веры ими дан...
Ряд областей пустынных, островов,
Обман в резне смертельных двух врагов, .
Отказ в поддержке, хуже, чем отказ,--
Пустой обет, рассчитанный на час,
Когда удастся выгоду извлечь;
Велик их вопль! Теперь за ними речь
И Греция в свой трудный час поймет,
Что лучше враг, чем друг, который лжет.
Пусть так: лишь греки - Греции своей
Должны вернуть свободу прежних дней,
Не варвар в маске мира. Царь рабов
Не может снять с народов гнет оков!
Не лучше ль иго гордых мусульман,
Чем жить, вплестясь в казацкий караван!
Не лучше ль труд свободным отдавать,
Чем под ярмом у русской двери ждать -
В стране рабов, где весь народ при том,
Казна живая, мерится гуртом.
И где цари беспомощный свой люд
По тысячам придворным раздают,
Его ж владельцам снится только ширь
Пустыни дальней - мрачная Сибирь;
Нет, лучше в мире бедствовать одним,
Лицом к лицу с отчаяньем своим,
И гнать верблюда в доле кочевой,
Чем быть медведю горестным слугой!

VII.

Не только там, в стране, где светлый крик

Свободы вместе с Временем возник,--
Не только там, где Инков древний род
Из тьмы, как туча, сумрачно встает,
Сверкнул разсвет: испанский славный меч
Разит врага, как в годы древних сеч;
Не с дикою Пунической ордой
Иль с грозным Римом ныне грянул бой;
Не хищный вандал или злой вестгот
Ея простор безчестью предает;
Не клич Пелайо к доблести отцов
Возвал теперь сквозь длинный ряд веков:
Тот сев пожат, и разве мавр о нем
Вздохнет порою, вспомнив о былом.
Абенсеррагам звонкая хвала
В сказаньях вещей долго прожила;
И Сегри, вместе с пленными, ушли
К родным равнинам дикой их земли.
Меча их, веры, власти - больше нет,
Но враг грозней явился им вослед
Христовых слуг повергнуть в новый плач:
Ханжа-монарх и злой монах-палач,
Лазутчик инквизиции, а с ним
Костер кровавый, с топливом людским,
Где восседал, глухой на вопль и вздох,
Католиков безжалостный Молох,
Холодный взор с любовью склоня
На дикий праздник смерти и огня.
Нрав короля иль вялый иль крутой,
Что может жить подчас в груди одной;

Спесивец, гордый ленью своей:
Упадок знати славных прежних дней;
Униженный гидальго и бедняк,
Что был не столь унижен, сколько наг,
Безлюдный край; когда-то грозный флот.
Забывший руль; испытанный оплот
Родному краю - дряхлые войска;
Погасший горн толедского клинка;
И золото, уплывшее давно
Не к тем, чьей кровью куплено оно.
Язык забытый, бывший всем своим -
В чем только Рим и мог бы спорить с ним...
Вот до чего Испания дошла!
Но нет! Она такую лишь была!
Уже узнал *домашний*, злейший враг,
Что вскинут вновь Кастильский древний стяг.
Тореадор! Возстань! Твой час настал!
Фаларский бык не даром замычал;
Возстань, гидальго! Клич минувших дней
Раздался вновь; - "Испания, дружней!"
Да, да, дружней! Сомкнитесь в грозный круг,
Создав живой стеною из кольчуг
Испании испытанный заслон,
Который в ней нашел Наполеон:
Презренье к смерти в яростных боях,
Безлюдие в заброшенных полях,
На улицах пустынных городов
Одне лишь груды павших храбрецов;
В Сиэрре дикой - столь же дикий строй

Гверильясов, всегда готовых в бой;
Под Сарагоссой стойкость стен глухих,
Величие в самом паденьи их;
Неистовых, как демоны, мужей
И дев, бессмертных доблестью своей;
Толедского кинжала острие
И славное кастильское копье;
Лихих стрелков и меткость их огня
И дикий бег испанского коня;
Огнем Москвы охваченный Мадрид;
Страну людей, где каждый духом - Сид...
Так было, есть, и будет впредь. Иди,
Смелей, смелее, Франция! Дроби -
Не крепкий шлем испанских храбрецов,
А звенья тяжких собственных оков!

VIII.

Но вот - конгрес! Тот клич, что Новый Свет
Освободил от рабства долгих лет!
Возможно ли того же ждать и нам,
Европы дряхлой горестным сынам?
На этот клич встанут - как Самуил
На страх Саулу - в цвете новых сил,
Грозя тиранам близкою бедой,
Глашатаи свободы молодой;
Упорный враг цепей, тюремных стен,
Генри, в лесах рожденный Демосфен,
Пред кем не раз дрожал Филипп морей;
И Франклин, волей властною своей
Смиривший в небе молнии полет;

И Вашингтон могучий--нас зовет
Стыдиться старых деспотов своих
Или, возстав, роторгнуть цепи их.
Но кто ж вошел в тот маленький совет,
Чья цель - спасти от смуты целый свет?
Кто это имя снова произнес,
Что, искупая горечь рабских слез,
Звучало там, где голос вечевой
Провозглашал свободным род людской?
Кто ныне призван в судьи дел чужих?
Святой Союз, замкнувший все - в троих!
Подобной троице чужд небесный лик,
Как человек мартышке не - двойник!
Единство, в коем должен быть сложен
Из трех глупцов один Наполеон!
В Египте боги лучше: их быки,
Их псы, всегда разумны и кротки,
На псарнях, в стойлах, знают угол свой,
Где ждет их пойло, должный корм дневной;
Тогда как нашим мало корм жевать -
Им нужно право тявкать и бодать;
Увы! Стократ завидней жребий дан
Эзоповым лягушкам!.. Их чурбан
Недвижен был, у наших он - живой,
Венчанный груз, злорадно-подвижной,
Кому в слепых движеньях власть дана
Давить тупым ударом племена,
Столь щедро сея бедствия и гнет,
Чтоб аист смуты мало знал хлопот.

IX.

Верона! Блеск трех царственных светил
Тебя тройным сияньем осенил!
Какая честь! Тебе в таких лучах
Прах Капулетти - просто жалкий прах;
Скалиджери - на них ли ныне спрос!--
Что может значить твой "Великий Песъ*,--
"San Grande" (смею дать и перевод),--
Пред моськами столь царственных пород?
И твой Катулл, чьи лавры, чей венец
Теперь воздел, увы, иной певец;
И твой театр, где Рим рукоплескал;
Безсмертье стен, где кров себе снискал
Изгнанник Данте, добрый старец твой,
Что весь свой мир замкнул в тебе одной.
Ах, еслиб ты в глухой тюрьме своей
Могла замкнуть и царственных гостей!
Поярче надпись! Громче рабский крик!
Пусть знает Гнет, что мир под ним поник!
Театр открыт! Спешите! По местам!
Но, помните, комедия - не там;
Избыток лент, и звезд, и важных лиц...
На весь их блеск любуйтесь - из темниц!
Рукоплещи, Италия! Дружней!
Настолько ты свободна от цепей!

X.

Блестящий вид! Вот щеголь-властелин,
Войны и вальсов верный паладин!
Кого влечет, как царство, льстивый крик,

И бранный шлем, и женский нежный лик;
Умом - казак, с калмыцкой красотой,
Великодушный, - только не зимой;
В тепле он мягок, полу-либерал,--
Твердея, если зимний вихрь взыграл;
Он бы не прочь свободу уважать,--
Там, где не нужно мир освобождать.
Как он красно о мире говорит!
Как он по-царски Греции сулил
Свободу, - если греческий народ
Готов принять его державный гнет!
Он разрешил полякам сейм созвать,--
Велев сварливой Польше замолчать!
Украину готов он ополчить,
Чтобы народ испанский проучить!
Какой красой, стремясь всегда на юг.
В Мадриде гордам вспыхнул бы он вдруг!
Столь явной пользы в мире нет нигде,
Как быть с Москвою в дружбе иль вражде...
Вперед! Тебе то имя жребий дал,
Что сын Филиппа славой увенчал,
Тебя Лагарп, твой мудрый коновод,
Твой Аристотель маленький, зовет;
Снищи же, скиф, средь Иберийских сел,
Что македонец в Скифии обрел;
Но не забудь, юнец немолодой,
К чему пришел у Прута предок твой;
Сзывай, как он, старух на свой совет,
Увы, средь них Екатерины нет!

В Испании-ж не мало скал и рек,
Глухих теснин, скрывающих их бег,
Неудержимый в бешенстве своем -
Как бы медведь не встретился со львом!
Далекий Херес славу готских сил
В своих равнинах знойных схоронил;
Ужель ты хочешь там воздвигнуть трон,
Где был повержен сам Наполеон?
Не лучше-ль меч на плуг перековать,
Не лучше ли пустынный край вспахать,
Омыть свои башкирския орды,
Спасти свой люд от рабства и нужды,
Чем ринуться в опасный путь стремглав,
Кошунственно позоря святость прав
В стране, где грянет гнусный твой обоз.
Испании не нужен твой навоз:
В ней дешев хлеб, да только не на сбыт
Ея врагу; в ней коршун тоже сыт;
Иль ты несешь добычу посвежей?--
Увы! Тебе не властвовать над ней.
Я - Диоген, я столь же мало рад,
Кто встал меж мной и солнцем мириад,--
Казак иль гунн; не будь я Диоген,
Я бы червем скорее стал взамен,
Чем Александром! Бей ему челом,
Кому охота в мире быть рабом,--
Над циником не властен гнет оков;
Мудрец постиг, что бочка - лучший кров:
Он, с фонарем блуждая средь людей,

На свете ищет *честных*, не царей.

XI.

Что ж Галлия, разсадник, край родной
Всех крайних *nes plus ultra* -- с их толпой
Продажною? Что шум ея палат,
Где все к трибуне ревностно спешат,
Чтобы, добившись слова наконец,
Со всех сторон услышать крики: "лжец!"
Наш бритт порой вникает в смысл речей,--
Здесь языков побольше, чем ушей;
Здесь сам Констан, кончая говорить,
Свой вывод должен шпагой подтвердить.
Французу легче драться, чем внимать,
Хотя б пред ним была родная мать.
Не проще ли решить в бою, кто - прав,
Чем слушать речь, ни разу не прервав?
Положим, Рим иначе рассуждал,
Где Туллий словом стены потрясал,
Но Демосфен им дал пример иной,
Считая слово "действием", борьбой.

XII.

Но где ж монарх? Откушал? Или он
Своим плохим желудком удручен?
Коварный суп, мятежный ли пирог
Пошел владыке Франции не в прок?
Мятежное ль движение в войсках?
Иль *нет* движенья в царственных кишках?
Да точно ль повар все предугадал?
Иль строгий врач диету предписал?

Боюсь - читая скорбь в твоих очах,--
Что вся измена галлов - в поварах!
Классический Людовик! Трудно скрыть,
Желательно ль тебе "Желанным" быть!
Зачем ты бросил мирный Хартвелль твой,
Лукуллов стол, и с ним напев живой
Пленительных Горациевых од,
Чтоб управлять странюю, где народ
Правления не хочет и скорей
Признает плеть, чем волю королей?
Увы! тебе-ль, садиться на престол!
Таким, как ты, нужней обильный стол;
Твое призванье - мирно пировать,
Быть милым гостем, щедро угощать,--
Из книг поэта помнить десять глав,
Знать список *всех* подливок и приправ...
Ты можешь быть ученым и порой
Сверкнуть ума нежданною игрой,--
Отнюдь не править судьбами людей,
Не справившись с подагрою своей.

XIII.

Возможно-ли, чтоб бриттом был лишен
Его похвал высокий Альбион?
Георг - искусства - слава - острова -
Любовь к свободе - в битвах ярость льва -
Сокровища - твердыня белых скал -
Страна, где все довольны,--стар и мал--
И Веллингтон, кичливый наш герой,
На чьем носу висит весь шар земной!

И Ватерло - торговля - и - (молчок!
Забудь долги, - ни слова про налог) -
И Кэстлери, милейший из вельмож,
Кого, увы, сразил карманный нож -
И "моряки, кому нестрашен шторм --
(Пока не грянул бурный вал реформ)".
На эти темы пели столько раз,
Что я невольно впал бы в пересказ;
О них была в столь многих книгах речь,
Что ими здесь я вправе пренебречь.
Ведь кое что найдется и сверх них,
Где больше смысла, звонче стройный стих:
Твой гений, Каннинг! Твой высокий ум,
Хоть ты политик, полон вещей дум,
Что даже в глупом воздухе палат
Живым огнем поэзии горят;
Твоим речам единственным, - привет!
У ториев тебе признанья нет;
Вглядись, читай в их сумрачных очах,--
Ты им внушаешь ненависть и страх.
Рог ловчего скликает стаю псов,--
Они бегут, покорные, на зов;
Но не считай любовь их вой:
Их визг пред дичью вызван не хвалой;
Двуногой твари вовсе веры нет,--
Она легко теряет слабый след.
С твоей подпругой вряд ли будешь цел,
И царский конь с годами захирел;
Он--неуклюж; свершая трудный путь,

Он может вдруг споткнуться иль лягнуть,
И с ним в грязи увязнет и седок!
Так что ж? --скотина выдаст свой порок.

XIV.

Родимый край! Оплачет ли мой стих
Твоих лэндлордов, пасынков твоих,
Благословлявших грозный гул войны,
Клянущих бремя мирной тишины?
Зачем они рождаются на свет?
Чтоб выбирать в палату иль совет?
Охотиться? Иль ждать подъема цен
На хлеб?.. Но хлеб, как все, что - прах и тлен,
Цари, вожди, иная ль мощь и власть,
В своей цене не может не упасть.
И если колос, падая, увя!
Влечет и вас, - зачем разбили вы
Трон Бонапарта? Взвесьте же, - зачем?
Ведь он же - ваш великий Триптолем;
Он много царств разрушил, но взамен
Он ведь упрочил стойкость ваших цен,
Расширив то, чем каждый лорд живет,--
Аграрную алхимию, доход.
Зачем тиран споткнулся о татар
И тем нанес всем житницам удар?
Зачем он чах в изгнании? По мне,
На троне он полезней был вдвойне.
Богатства гибли, всюду кровь текла,--
Так что ж? в расплате Галлия была;
Был дорог хлеб, и каждый фермер в срок

Платил долги, проценты и оброк.
Где ж ныне день расчета? Эль хмельной?
Где откупщик с набитою мошной?
Где прежний труд, посев из года в год?
Десятки миль возделанных болот?
Где спрос на землю? Прежний дружный пир?
Доход сугубый? Что за чортов мир!
Теперь безцельно премии сулить;
Безцельно билль в палате проводить;
*К народной пользе -- (лучше, мнится мне,
Народ совсем оставить в стороне) -*
Она не там, где слышен скорбный крик,
Как бы достаток к бедным не про ник.
Повысьте курс! Утройте-же доход!
Иль министерство тотчас же падет,--
Патриотизм, столь чутко-подвижной,
Сейчас убавит в весе хлебец свой!
Не стало "рыб и хлеба* давних дней,
Закрылась печь, изсякла глубь морей,--
От всех богатств, уплывших с бегом лет,
Остался лишь воздержности завет;
Кому он чужд, тот вынул жребий свой
Из урны счастья, урны роковой,--
Ему воздастся мерой дел его,
Он сам--строитель зданья своего.
Вот, Цинциннатов гнусная толпа,
Рабов войны, диктаторов цепа;
Наемный меч был плугом в поле их,
Где колос вскормлен кровью стран чужих;

Когда стонал в час брани весь народ,
Они считали в житницах доход!
Их злая рать пила из года в год
Чужую кровь и слезы - их доход!
Они клялись, что каждый лорд умрет
За Англию, но лозунг их: доход!
Им тяжек мир, как черный недород;
Война для них--кормилица, доход.
Любовь к отчизне, сказочный расход
Как оправдать? Повысив их доход!
Ужель нельзя ускорить оборот?
Нет: к чорту все! утройте лишь доход!
Их счастье, свет, их вера, цель забот,
Их жизнь и смерть - *доход, доход, доход!*
Исав! Ты сам на яства променял;
Ты б меньше ел, иль в сделке больше взял;
Но раз ты ел, увы, смешон твой спор;
Израиль твердо помнит уговор.
Смешно и вам, земельные дельцы,
Напившись крови, лаять на рубцы!
Ужель за вас платиться всей казне?
Понизить курс в убыток всей стране,
Опустошая банки и народ,
Лишь бы поднять упавший ваш доход?
Скорбит и Церковь:--веры больше нет,
И все скуднее пастырский обед;
И вот прелат, молясь на Божий крест,
Спешит занять десяток хлебных мест;
И Власть и Церковь спорят весь свой век;

Потоп их вместе бросил в свой ковчег,
Стрижет епископ шерсть своих овец,
За ним меняла, маклер и купец
Радеют - строят новый Вавилон -
Твой час настал, печальный Альбион!
А все зачем? - Кормить слепых кротов,
Откармливать аграрных муравьев!
Учись у них, ленивец! В каждый миг
Дивись терпенью в каждой жертве их,
Проникнись всей их гордостью, - усвой
Налогов смысл и цель резни людской;
А главное, любясь на их дом,
Склонись душой пред правым их судом,
Что всех долгов страны не признает:--
Да кстати справься, *кто их создает?*

XV.

Но время плыть меж новых Симплегад.
Утесов грозных - денежных палат,
Где Мидас мог бы нежиться вдвойне:
В бумагах днем, и в золоте - во сне.
Сокровищам Альчины нет числа;
В сравненьи с ними Англия мала,
Будь вся она из самых ценных руд,
Где каждый атом - жемчуг, изумруд.
Там Счастье мечет, Слава карту бьет,
И мир дрожит, когда проигран ход.
Как Англия богата! Не вином,
Рудою, миром, маслом иль зерном;
Не млеком и не медом давних дней,

Не деньгами (помимо векселей) -
Но где страна, под чей несчастный кров
Могло бы столько налететь жидов?
Король им Джон, бывало, зубы рвет,--
Теперь *они* в державный лезут рот.
Им каждый царь, весь пестрый ряд племен
"От полюса до Инда" подчинен.
Бароны-братья-маклеры - везде
Спешат помочь тиранам в их нужде.
Еще не то! Колумбия свой клад,
Свои победы носит к ним в заклад;
Израиля участливая длань
Из всех испанцев нищих выжмет дань;
Без внуков Авраама, их смолы,
Свой воз не сдвинут русские волы;
Победе алчной золото, не меч,
Вздымает арки в вихре буйных сечь,
Два избранных еврея без труда
Везде найдут отчизну:--два жида
Царят над Римом; в их руках ключи
От житниц новой гуннской саранчи:
От двух жидов - не двух самаритян -
Зависит мир, все счастье многих стран,
До счастья мира много-ль дела им?
Для них Конгресс - "второй Иерусалим",
Где легок путь к баронствам, к орденам -
Ты видишь ли, блаженный Авраам,
Своих сынов среди царственных свиней,
Где, против правил добрых старых дней,

"На их кафтан жидовский" не плюют,
Где им и честь и славу воздают -
(Но где же, папа, острый твой носок,
Чтобы Иуда помнил твой пинок?
Иль ты боишься туфлю потерять?)
И вот в отчизне Шейлока опять
Они из сердца нации живой
Стремятся вырезать "фунт мяса" свой.

XVI.

Чудной Конгрес! Он должен слить в одно
Все то, чему лишь в розни жить дано.
Я не царей, не их высокий сан,
Имел в виду - им всем один чекан,
Но тех, кто куклы дергает за нить,
Чей пестрый рой никак не примирить.
Обманщик - воин - жид - служитель муз...
Дивись, Европа! Это ль не союз!
Вот трутень власти Меттерних; а вот
Наш Веллингтон, забывший свой поход;
Шатобриан, творец житий святых;
И хитрый Грек, слуга татар слепых,
И Монморанси, враг особых прав,
Представший здесь, на шабаше держав,
Как дипломат блестящий, чья судьба--
Строчить свои заметки для "Débats*";
Пророк войны, он ведал час всего--
Не зная дня паденья своего,
Столь редкий ум любой державе честь!
Как можно мир министру предпочесть?

Он пал, - чтоб вновь воспрянуть в цвете сил,
"Легко как он испанцев покорил".

XVII.

Довольно их - теперь иной позор
Влечет невольно музы скорбный взор,
Дочь кесаря, державная жена,
Что быть державной жертвою должна;
Мать первенца владыки всех царей,
Астианакса Трои наших дней;
Тот бледный призрак первой из цариц,
Что пред собой склоняли Землю ниц;
Добыча часа, призрачных тревог,
Осколок власти, жалости предлог.
О, горькая насмешка! - Где ж твой щит,
Мать Австрия? И то ли долг велит
Вдове печальной Франции? Она
Должна быть там, где пенится волна
Святой Елены; скорбный вдовый трон -
Средь дальных скал, где спит Наполеон.
Но, нет - взамен ей дан престол смешной
Да камергер суровый, - Аргус злой,
Что наблюдает - ах! не во сто глаз -
За той, чей блеск так горестно погас.
Пусть отняты владения, каких
И Карл Великий в мире не достиг,
Тот славный жезл, что власть свою простер
От стен Москвы до грани южных гор!
Но все ж она подымлет скипетр свой
Над царством сыра, нищею страной,

В чьей Парме взор проезжого манит
Ея двора смешной и важный вид.
Но вот она! В Вероне! Без венца,
Без всех лучей - сжимаются сердца!--
Хоть прах ея супруга не остыл
В чужом краю, куда он изгнан был.
(Коль грозный прах способен охладеть;--
Но нет, - он вспыхнет молнией и впредь);
Вот - Андромаха - (ах! не та, чей лик
Воспел Гомер, - пред кем Расин поник) -
И рядом с нею Пирр! - Рука того,
Кем вдруг разбиты в вихре Ватерло
Ея владыки скипетр и мечта,
Предложена - и что же? - принята!
Ужель доступно большее рабу?
Иль меньшее? - А *он* -- давно ль?! - в гробу!
Безпечный взгляд - иль ужас в сердце скрыт?
Или с венцом утрачен женский стыд?
Столь грудь царей открыта для добра!
Щадить ли их, раз чувства их игра?

XVIII.

Но, утомлен безумьем дел чужих,
Я шел домой, сплетая в очерк их.
До слез томилась Муза, но - пред ней
Предстал сэр Кертис с юбкою своей
Среди старшин шотландских, что ему
Несли привет, как брату своему.
Вся Дума, - гелы, эрсов дружный хор,
Кричали зычно в ратуше: Клеймор!

При виде, как их клетчатый тартан
Облек кольцом мясистый кельтский стан,
Забыла Муза прежний ужас свой:--
Раздался смех столь звонкий и живой,
Что, возгласом веселья увлечен,
Проснулся я - но это был не сон!
Теперь же мы, читатель, отдохнем:--
И если ты в радении своем
Не оскудел, то, знай, в урочный час
Я, может быть, продолжу свой рассказ.

Ю. Балтрушайтис.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК.

"Бронзовый Век" был начат в декабре 1822 г. и окончен 10 января 1823 г. "Я послал г-же Шелли, для переписки, стихотворение строк в 750", писал Байрон Ли-Гонту: "оно назначается для читающей доли миллиона и все состоит из политики и пр. и пр., представляя общий обзор наших дней, в стиле моих *Английских Бардов*, только немного витиеватее и, может быть, с избытком "боевых эпитетов" и намеков классических и исторических. Если понадобятся примечания, их можно будет присовокупить".

Поэма вышла из печати 1 апреля 1823 г., без имени автора.

Стр. 150. *наш Питт был все иль очень много, так*

Судил о нем его соперник, враг.

Фокс говаривал: "Я никогда не лезу в карман за словом, но Питт всегда умеет найти настоящее слово".

Лишь слой земли их кости разделил.

Могила Фокса в Вестминстерском аббатстве находится на расстоянии полутора фута от могилы Питта.

Пусть пепел Клеопатры пересек

Морской простор...

Клеопатра, мумия которой сохраняется в Британском Музее, - не знаменитая египетская царица, а одна из представительниц Фиванской фамилии архонтов, жившая около 100 г. до Р.Х.

Пусть урна Александра, скорбный прах,

Стоит теперь на чуждых берегах.

По словам Страбона, Птолемей Сотер привез тело Александра из Вавилона в Александрию, где оно было положено в стеклянный гроб. Многие великие люди древности предпринимали паломничество к этой гробнице. Август увенчал ее золотым лавровым венком; Калигула снял с

тела нагрудник и носил его во время своих торжественных выходов; Септимий Север положил в саркофаг писания жрецов и свиток иероглифов. Затем этот саркофаг куда-то исчез, и только в 1801 г. был отыскан английскими войсками, которые поднесли его королю Георгу III, после чего он и был помещен в Британском Музее. Иероглифические надписи в то время еще не были разобраны, и в 1805 г. один английский путешественник, Эдуард Кларк, напечатал книгу, в которой доказывал, что именно этот самый саркофаг некогда содержал в себе прах Александра. Байрон знал Кларка и считал его показания авторитетными. Только в 1841 г. было окончательно установлено, что этот саркофаг принадлежал египетскому царю Нектанебу II.

Стр. 151.

Где он - дитя, оплот всему, что бред?

Питт, в одной из своих речей, сказал, что Наполеон был "дитя и передовой борец якобинства".

На вечный спор о пище осужден.

Находясь на острове си. Елены, Наполеон жаловался на Гудсона Лоу, между прочим, за то, что тот стеснял его в расходах на стол. Эти жалобы вызвали полемику, в которой приняли участие доктор Уорден и военный министр граф Батгерсть, опровергавший жалобы Наполеона в парламенте.

Лишить-ли книги, в бюсте-ль отказать.

Некоторые из книг, посылавшихся Наполеону, не были ему доставлены. Не без труда ему удалось получить и бюст его сына, герцога Рейхштадтского.

И врач, что верил жалобам его,

Лишился скоро места своего.

Доктор О'Мира поссорился с Гудсоном Лоу и был удален с острова си. Елены, а потом исключен из службы за то, что в изданной им книге уверял, будто Гудсон Лоу не раз высказывал мнение о том, что смерть Наполеона была бы благом для всей Европы. Книга эта, изданная в 1819 и 1822 гг. под заглавием: "Наполеон в изгнании, или голос с острова си. Елены", произвела весьма сильное впечатление. Она была под рукою у Байрона, когда он писал свою поэму.

И лучший мир обрел себе взамен.

Наполеон умер 5 мая 1821 г.

На гробе надпись жалкую отверг.

О'Мира передает, что граф Монтолон желал поместить на гробнице надпись: "Наполеон, родился тогда-то, скончался тогда-то"; но Гудсон Лоу, согласно полученным от британского правительства инструкциям, потребовал, чтобы имя "Наполеон" было заменено словами: "Генерал Бонапарт".

Колонна галльской славы и побед.

Вандомская колонна, воздвигнутая в память сражения при Аустерлице, открыта в 1810 г. Обелиск Помпея, или колонна Диоклетиана, находится недалеко от Александрии, между городом и Марсотидским озером.

Стр. 152.

Иль превратит.....

Как кости Дюгеклена, в талисман.

Бертран Дюгесклен (1320--1380) умер во время осады одной крепости. Когда крепость сдалась, ключи ее были положены на его гробницу.

И барабаном Жижки загремит.

Известный вождь чешских таборитов, Ян Жижка из Троцнова (1360--1424), умирая, завещал сделать из своей кожи барабан, чтобы звуком его разгонять врагов.

Мадрид, увы! пред ним поник.

Мадрид был взят французами сначала в марте 1808 г, а потом, вторично, 2 декабря того же года.

Ты, Австрия, чей вероломный трон

Был дважды взят и дважды пощажен.

Вена была взята французами, под начальством Мюрата 14 ноября 1805 г., оставлена французскими войсками 12 января 1806 г., вновь взята Наполеоном в мае 1809 г. и возвращена Австрии по заключении мира, 14 октября того-же года. "Вероломство" Австрии заключалось в созыве Венского конгресса и в участии в Венском трактате, 1815 г.

....Ты, что была им смят

Под Иеною.

Под Иеною Наполеон разбил принца Гогенлоэ, а под Аррштадтом генерал Даву разбил, 14 октября 1806 г., прусского короля. После того, 27 октября, войска Наполеона вступили в Берлин.

Грянул вновь Роландов рог и снова льется кров.

Намек на воинственную песнь того времени: "Тень Роланда", в которой, между прочим, есть такой куплет:

Soldats franèois! Serrez vos rangs,

Entendez Roland qui vous crie!

Armezvous contre vos tyrans,

Brisez les fers de la patrie!

В сражении под Люценом, в ноябре 1682 г., был убит шведский король Густав-Адольф. Под Люценом же, 2 мая 1813 г., Наполеон разбил союзную русско прусскую армию, которая затем снова потерпела решительное поражение под Дрезденом, 27 июня того же года. В сражении под Лейпцигом, 18 октября, саксонския войска передались на сторону союзников, и Наполеон потерял более 30.000 человек.

Стр.153.

И был сражен изменой лишь одной,

Глядевшею с Монмартской высоты

На твой Париж порушенный.

Жозеф Бонапарт, стоявший 30 марта 1814 г. на высотах Монмартра для наблюдения и руководства обороною Парижа против союзников, уполномочил Мармона сдаться. Этот поступок в то время многими считался изменой Жозефа своему брату.

Как Прометей, прикованный к скале,

Взывает к морю, к воздуху, к земле.

"Напоминаю читателю первый монолог Прометея у Эсхила, когда он остается один, до появления хора Океанид". (Прим. Байрона).

Тогда как Франклин, молнию смилив,

В людских сердцах навеки будет жив.

В 1781 г, когда Франклин был американским послом в Париже, Тюрго применил к нему стих: "Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrāimīs", который и был помещен под его портретом и на выбитой в честь его медали.

Клич "Вашингтон" светло звучит на век,

Пока есть эхо, дышит человек.

"Быть первым человеком не диктатором, не Суллой, а Вашингтоном или Аристидом, руководителем таланта и правды, - значит быть всего ближе к Божеству" (Дневник Баирона, 13 ноября 1813 г.).

И сам испанец алчный позабыл,

Что Боливара, кто Пизарро бил.

Симон Боливар (1783--1830) в 1821 г. присоединил Новую-Гренаду в Венесуэле, под именем республики Колумбии, и 1 сентября торжественно вступил в Лиму. Восторженно встреченный населением он предостерегал своих сограждан против тирании, указывая на пример Наполеона. Байрон одно время мечтал "переселиться в страну Болтвара" и назвал свою яхту его именем.

Чилийский вождь отверг и поборол

Иноплеменной власти произвол.

Независимость Чили была провозглашена 5 апреля 1818 г., после поражения испанской армии генералом Хосэ де-Сан-Мартинем. Независимость Перу провозглашена 28 июля 1821 г. Сан-Мартин принял титул протектора и издал прокламацию, в которой повелевал испанцам трепетать, если они злоупотребят его снисхождением.

Ста 151.

Не клич Пелайо к доблести отцов.

Пелайо, король астурийский, в 718 г. разбил арабских полководцев Сулеймана и Манурзу.

И Сегри вместе с пленными ушли.

Баснословные сказания о враждебных друг другу арабских племенах Сегри и Абесеррагов, раздоры которых, в конце 15 века, залили кровью Гранаду, послужили предметом целого ряда народных баллад. В 1813 г. в Париже была представлена опера Корубини "Абенсерраги". В 1826 г. Шатобриан написал "Приключения последнего Абесеррага".

Ханжа-монарх и злой монах-палач.

Фердинанд VII возвратился в Мадрид в марте 1814 г. и тотчас же принялся за восстановление всех злоупотреблений прежнего абсолютизма. Дворянство получило все старые свои привилегии; инквизиция снова начала действовать, иезуиты были возвращены.

Правительство оказалось в руках придворной и поповской камарильи, которая начала свои тираннический террор.

Клич минувших дней

Раздался вновь: "Испания, дружней!"

"Старинный испанский военный клич: "Св. Иаков и теснее, Испания!" - San Jago e serra Espana!" (Прим. Байрона).

И славное кастильское копье.

"Жители Арагонии отличаются особенною ловкостью в употреблении этого оружия, и часто пользовались им в прежних своих войнах с французами". (Прим. Байрона).

Стр. 155.

Генри, в лесах рожденный Демосфен.

Патрик Генри (1736--1799) был одним из главных вождей американской революции. он был делегатом на первом американском конгрессе, а впоследствии губернатором Виргинии. Современники назвали его "величайшим из когда-либо живших ораторов".

Верона! Блеск трех царственных светил

Тебя тройным сияньем осенил.

"Я проезжал через Верону. Амфитеатр удивительный, - лучше даже греческих. Историю Джульеты они считают безусловно верной, настаивая на ее правдивости, называют год (1303) и показывают могилу... Это низкий, открытый и частью уже развалившийся саркофаг, с засохшими листьями внутри, в диком и пустынном монастырском саду, где некогда было кладбище, теперь разрушенное так, что не осталось даже и могил. Местоположение поразило меня своим соответствием с легендой... Готические монументы князей Скалиджери мне понравились, но... я бедный музыкант". (Письмо к Муру от 7 ноября 1816 г). Гробницы Скалиджери находятся у церкви Санта Мария д'Антика. Гробница Джульеты, из красного неронского мрамора, в саду "Сиропиталища". Старинный склеп фамилии Капулетти давно разрушен. В 1814 г. Верона находилась во власти австрийцев и "вероломно" изменяла своим прежним республиканским преданиям.

Что может значить твой "Великий Пес".

Франческо Кан-Гранде (по итальянски - великий пес) делла Скала ум. в 1329 г. В его доме жил одно время изгнанный из Флоренции Данте.

И твой Катулл, чьи лавры, чей венец

Теперь воздел, увы, иной певец.

Ипполито Пиндемонте (1755--1828) нежный и мечтательный лирик.

.....добрый старец твой,

Что весь свой мир замкнул в тебе одной.

Клавдиан, в одной из своих эпиграмм, упоминает о старике-веронце, который "никогда не бывал даже в предместье города".

Поярче надпись!

24 ноября в амфитеатре было дано торжественное представление, в присутствии высоких особ, а в следующий день устроена великолепная иллюминация. Между прочим, обращал на себя общее внимание портал церкви св. Агнесы, с ярко-горевшею надписью из колоссальных букв: "Цезарю-Августу обрадованная Верона".

Стр. 156.

Тебя Лагарп, твой мудрый коновод,

Твой Аристотель маленький, зовет.

Фредерик-Цезарь Лагарп (1754--1838) был назначен Екатериною II в воспитатели великим князьям Александрю и Константину. Байрон, проводивший лето 1816 г. в Швейцарии, быть может, встречался с Лагарпом, жившим в Лозанне.

Сзывай... старух на свой совет.

Известна платоническая дружба Александра с баронессой Крюднер, через посредство которой император усвоил теорию Франца Баадера "о священном" союзе. Баронессе было в ту пору за 50 лет.

Увы! Среди них Екатерины нет!

"Ловкость Екатерины выручила Петра (называемого, из вежливости, Великим), когда он был окружен мусульманами на берегах реки Прута". (Прим. Байрона).

Кто встал меж мной и солнцем мириад.

"Австрийския и русския войска стояли между греками и другими народами и их независимостью, как Алекандр между Диогеном и солнцем". (Прим. Байрона).

Здесь сам Констан, кончая говорить,

Свой вывод шпагой должен подтвердить.

Знаменитый писатель и политический деятель Бенжамен Констан (1767--1830) был "буревестником" палаты депутатов и нередко результатом его речей бывали дуэли между ним и его политическими противниками.

Стр. 157.

На чьем носу висит весь шарь земной.

"Nasa suspendis adunco" (вешаешь на свой крючковатый нос"), говорит Гораций о человеке, высокомерно относившемся к своим знакомым". (Прим. Байрона).

И Кэстлери, милейшии из вельмож,

Кого - увы! - сразил карманный нож.

Роберт Стюартъ, виконт Кэстлери, впоследствии - маркиз Лондондерри, в припадке съумасшествия, перерезал себе горло перочинным ножом в 1822 г. Байрон беспощадно нападал на него за его реакционное противодействие народным требованиям в Ирландии, Италии и вообще где бы то ни было.

И моряки, кому не страшен шторм.

Выражение Каннинга в похвалу Питта.

.....скотина выдаст свой порок.

Джордж Каннинг (1770--1827) был преемником лорда Лондондерри на посту министра иностранных дел. Он не пользовался расположением короля Георга IV, который был обижен его "нейтральным" отношением к делу о разводе с королевой Каролиной. В 1821 г. Каннинг выступил в защиту эмансипации католиков и, в частности, горячо отстаивал право католических пэров заседать в палате лордов. Байрон предостерегает его, что дальнейшие его настояния в этом направлении могут, наконец, разсердить короля и вызвать с его стороны серьезное противодействие.

Ведь он же ваш великий Триптолем.

Триптолем считался изобретателем плуга. Деметра дала ему колесницу, запряженную драконами, и приказала повсюду сеять пшеницу.

Стр. 158.

Не время плыть меж новых Симплегад.

В мифологии, Симплегады два острова у входа в Черное море, движущиеся утесы которых давили плывшие между ними корабли.

Сокровищам Альчины нет числа.

Альчина - одно из действующих лиц в поэме Ариосто "Неистовый Орланд". Она, подобно Цирцее, завлекала любовников, а потом превращала их в деревья, камни, фонтаны, зверей.

Бароны-братья - маклеры везде.

В то время было пять братьев Ротшильдов: Ансельм франкфуртский, Соломон венский, Натан-Майер лондонский, Карл неаполитанский и Джемс парижский. В 1821 г. Австрия заняла, при содействии этой фирмы, 370 мил. гульденов; в благодарность за это, император дал всем братьям баронский титул и назначил Натана-Майера генеральным консулом в Лондоне, а Джемса - генеральным же консулом в Париже.

Стр.159.

Шатобриан, творец житий святых

"Г. Шатобриан, не забывший литературы, сделавшись министром, выслушал в Вероне очень любезный комплимент от одного литературно-образованного государя: "Ах, г. Шатобриан, не родственник ли вы тому Шатобриану, который... который что-то такое написал?" Говорят, автор *Аталы* в эту минуту раскаялся в своей легитимности". (Прим. Байрона).

И хитрый грек, слуга татар слепых.

Граф Капо д'Истрия, впоследствии президент Греции, был, как известно, на русской службе.

И Монморанси, враг особых прав.

Герцог Монморанси, фр. министр иностранных дел, в конце 1822 г. замененный в этой должности Шатобрианом, в молодости был якобинцем и предлагал упразднить дворянство.

Дочь кесаря, державная жена.

Мария-Луиза, дочь императора австрийского Франца I, супруга Наполеона. Вследствие парижского трактата, она покинула Францию, отказалась от титула императрицы и получила титул герцогини Парижской. По смерти Наполеона она недолго вдовела и вскоре тайно обвенчалась с своим давнишним другом, графом Адамом Нейпергом. Его-то Байрон и называет здесь Аргусом, хотя я не стоглавым, потому что у него был только один глаз: другой был им давно потерян от раны, полученной в сражении.

Предстал сэр Кертис с юбкою своей.

Сэр Вильям Кертис был членом парламента и лондонским лордом-мэром. Король Георг IV был к нему очень расположен; Кертис сопровождал короля в его поездке по Шотландии и являлся при дворе в шотландском национальном костюме - юбке. "Клеймор" название шотландского национального меча и боевой клич шотландцев.